

Александра Веселова

“Право на биографию” и русская мемуаристика 1740–1770-х годов

“The Right to a Biography” and Russian Memoirs of the 1740-70s.

The article discusses the early period of memoir-writing in Russia (1730-1770). The Russian situation in this period was radically different from Europe. Very few memoirs were written: of those, only 12 texts were selected for the present article. Memoir literature had no context and fiction was also still poorly developed. Therefore, the study of the pragmatics of these works is of particular interest, as it reveals the origin of the memoir genre in Russia. The article also raises the question of what could have been used as a model by authors. The author suggests noble genealogies and track records (*sluzhebnaia skaska*) could have served as a model. The article concludes that early Russian memoirs reflect a difficult stage for a new Russian class, who simultaneously sought to represent their personal achievements with eschatological themes.

В статье 1986 года *Литературная биография в историко-культурном контексте* Ю.М. Лотман ввел понятие “права на биографию”, рассмотрев его на примере писательских биографий (Лотман 1986). В статье Лотмана речь идет о том, почему в определенных социокультурных условиях одни писатели получают это право, а другие нет. Тот же вопрос, но в несколько ином ракурсе можно сформулировать и применительно к мемуарному творчеству, в том числе к автобиографии. Почему человек решается описать

собственную жизнь, что дает ему основание полагать, что такое описание имеет право на существование, и зачем он это делает?

Ответы на эти вопросы отнюдь не очевидны. На первый взгляд может показаться, что импульс к написанию такого рода текстов определяет воля пишущего и мемуарист не нуждается в оправдании. Но зарождение этой воли тоже должно быть чем-то обусловлено, и одним из важнейших аспектов этой обусловленности является адресат. Вопрос о том, для кого мемуарист

предпринимает свой труд, стал центральным в полемике двух крупнейших европейских специалистов в области изучения эго-документов¹. Ф. Лежен, выдвинувший в начале 1970-х годов концепцию автобиографического пакта (соглашения), оказавшуюся очень продуктивной и популярной, исходил из представления о том, что любой текст о себе предполагает какого-то адресата за его пределами и ориентирован на внешнего читателя, пусть даже условного, вымышленного или единичного (Lejeune 1975). Ж. Гюсдорф еще в 1956 году в статье *Условия и границы автобиографии* (Gusdorf 1956), а затем и в монографии, во многом полемичной по отношению к идеям Лежена, сделал акцент не на внешней ориентации автобиографии, то есть не на ее отношениях с читателем, а на внутренней потребности ее автора в самопознании и припоминании собственной жизни (Gusdorf 1991).

¹ Термин *эго-документ/ego-document* введен Ж. Прессером и получил развитие в работах Р. Деккера (Dekker 2002). Сейчас также широко используется термин *свидетельство о себе/Selbstzeugnisse* впервые употребленный Б. фон Крузенштерн (Krusenstern von 1994).

Вопрос об адресате мемуаров особенно актуален для ранних этапов развития жанра, когда еще не сформирована традиция, не сложился жанровый канон, и каждый из немногочисленных авторов, осмеливающихся на этот шаг, оказывается в известном смысле первопроходцем.

Для русской литературы такой начальный этап развития автобиографического жанра приходится на середину XVIII века. Именно с середины XVIII столетия можно говорить о некоем, пока еще небольшом, корпусе текстов, тогда как образцы автобиографической литературы более раннего периода представляют собой единичные примеры, появление которых обусловлено целым рядом исключительных обстоятельств. К таковым, например, относится *Жизнь князя Куракина, им самим описанная* (1705–1710).

Тексты эти немногочисленны. Последние и весьма тщательные подсчеты русских мемуаров, которые базируются, в свою очередь, на материалах справочника *История дореволюционной литературы в дневниках и воспоминаниях* (ИДРДВ 1976), были сделаны А.Г. Тартаковским. В составленной им сводной таблице мемуаров (Тартаковский 1991:

244–261) на весь XVIII век приходится 96 вхождений, включающих не только дневниковые записи, но и материалы служебных отчетов и допросов. Из них только 31 представляет собой автобиографические мемуары, то есть воспоминания, построенные по принципу жизнеописания или, по словам Ф. Лежена, “ретроспективные прозаические повествования реального человека о себе” (Lejeune 1975: 14)². В соответствии с задачами данной статьи, из этого перечня были выделены тексты, написанные в период с 1740 по конец 1770-х годов. Из выборки Тартаковского были исключены записки иностранцев на русской службе (Б.К. Миниха, К.Г. Манштейна и т.д.), так как они явно находились под влиянием иных культурных условий и традиции, а также единичные примеры записок русских купцов, существенно отличающихся и содержанием, и прагматикой.

---

² Интерес современной гуманитарной науки к феномену эго-документов и многочисленные попытки их классифицировать привели к размыванию понятий и дискредитации традиционной терминологии. В этой ситуации приходится обращаться к описательным формулировкам, чтобы точнее определить предмет исследования. См. обзор: Зарецкий 2013.

Так как уточнение датировки каждого отдельного текста не входит в задачи статьи, время создания мемуаров указывается с опорой на предшественников: уже упомянутый справочник, монографию Тартаковского или публикаторов конкретных воспоминаний.

В итоге был выделен корпус из 12 текстов, перечень которых приводится в Приложении в конце статьи. Два из включенных в Приложение произведений были обнаружены и опубликованы относительно недавно, уже после выхода книги Тартаковского. Это записки Прозоровского и Муравьева (Прозоровский 2004; Муравьев 1994). Стоит отметить, что в европейских базах эго-документов за этот же период зафиксировано в десятки, если не в сотни раз больше текстов³. На это неравенство еще в 1855 году, задолго до применения количественных методов в гуманитарных науках, обратил внимание П.П. Пекарский, писавший: “Наша литература XVIII века,

---

³ Ср., например, швейцарскую <<https://wp.unil.ch/egodocuments>> или голландскую <www.egodocument.net> (последнее посещение 16.07.2020), базы данных эго-документов XVIII – начала XIX веков, не говоря уже об опубликованных еще в XVIII столетии текстах.

сравнительно с другими, бедна записками современников...” (Пекарский 1855: 75). Однако при всей своей немногочисленности, такой корпус текстов уже значим и может служить предметом комплексного исследования.

Каждый из этих текстов в той или иной степени обращал на себя внимание исследователей, некоторые из них были сопоставлены друг с другом, но до сих пор не существует исследования, посвященного всему корпусу ранних русских мемуаров. Поэтому данная статья отчасти носит вынужденно описательный характер, сводя воедино в основном известные сведения, чтобы в своей совокупности они позволили сделать некоторые общие выводы.

Именно немногочисленность русских мемуаров заставляет поставить вопрос об их прагматике: почему и зачем их авторы взялись описывать собственную жизнь? Ведь у них не было опоры: ни традиции, ни жанрового контекста, ни, по выражению Тартаковского, “контактных отношений внутри жанра” (Тартаковский 1991: 17).

Конечно, русская культура знала немногочисленные образцы автожития, которые ряд исследователей не без основа-

ний именуют “протомемуарами” (Боровикова *et al.* 2004). Но очевидно, что эти тексты, к тому же распространенные в основном в специфической среде, могли служить жанровым образцом, но не стимулом к подобному описанию, прежде всего в силу исключительности описываемой в них человеческой жизни, как бы к ней ни относился потенциальный читатель. Исключение здесь составляют *Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева* (1767), явно ориентированные на житийную традицию и по сути рассказывающие о мученичестве. По этой причине они тоже не включены в рассматриваемый список.

Если же говорить о собственно жизнеописаниях, то из немногочисленных записок петровского времени в XVIII веке были опубликованы только дневники А.А. Матвеева (после 1716) и И.А. Желябужского (1710-е), ориентированные, прежде всего, на повествование о внешних событиях. Но и это произошло в 1787 году, то есть позже, чем были созданы все рассматриваемые тексты. Отдельного упоминания требует вопрос об иностранном влиянии. С одной стороны,

нельзя полностью исключать воздействия на русских авторов довольно развитой к тому моменту европейской традиции. И для некоторых из них, например для уже упомянутого Куракина, ориентация на нее очевидна, хотя конкретные образцы до сих пор не установлены (Билинkis 1995: 24). С другой, у нас почти нет конкретных свидетельств знакомства русских мемуаристов с иностранными автобиографическими записками даже для более позднего времени. Показательным примером здесь может служить такой увлеченный читатель, как А.Т. Болотов (1738–1833). Он хорошо владел немецким и французским языками и довольно тщательно фиксировал свой читательский опыт, как в воспоминаниях, так и в некоторых других текстах. Кроме того, известны каталоги его библиотеки, хотя и неполные (см. Глаголева 1992). Болотов был активным читателем: он водил знакомство со многими книготорговцами, заказывал книги по почте, обменивался ими с такими же книголюбями, а в молодости даже покупал их на книжных аукционах в Кенигсберге. Но среди многочисленных упоминаний прочитанных, купленных и одолженных книг, не встреча-

ется свидетельств знакомства с европейской мемуарной литературой⁴. Трудно представить, что при всей подробности освещении этой сферы, Болотов, будучи сам мемуаристом, не упомянул бы о такого рода произведениях, если бы они ему встретились.

Стоит добавить, что крайне мало автобиографий и среди тех переводных книг, которые начал печатать в своей типографии Н.И. Новиков, при выборе материала для переводов очевидно ориентировавшийся на популярность книг у русского читателя в оригинале.

Пример Болотова не только заставляет предположить, что европейские мемуары вряд ли были известны большинству из рассматриваемых авторов, но и позволяет поставить вопрос о том, насколько они вообще читали книги, особенно иностранные. В России первой половины – середины XVIII века чтение не было очевидным занятием, даже для образованных людей, к каковым относятся почти все рассматриваемые мемуаристы. Оно требовало определенных ор-

---

⁴ Что же касается русских мемуаров, то известно только, что уже в XIX веке он переписал для себя записки И.В. Лопухина, которые, скорее всего, ему привез сын, П.А. Болотов, активный масон.

ганизационных усилий: книги было непросто купить, выбор их в России был невелик, а за границей необходимо было знакомство с этой практикой и время на ее освоение. Учитывая служебную занятость и определяемую ею сферу интересов, в целом можно сказать, что читательский опыт этих людей был крайне ограничен, и в него вряд ли входила не только мемуаристика, но возможно даже и беллетристика. К этому следует добавить, что развитие повествовательных жанров в России вообще еще только начиналось, и отнюдь не все этот процесс приветствовали, относясь к беллетристике в лучшем случае как к бесполезному, а в худшем – как к вредному чтению⁵.

Можно также констатировать в целом недостаточный уровень развития культуры повседневно-го письма: недавно вышедшая публикация пере-хваченного в 1758 году прусскими войсками комплекса писем офицеров на русской службе очень хорошо это показывает, причем для всех чинов и возрастов (Сдвижков 2019а).

⁵ Ср. также воспоминания Болотова о периоде военной службы в 1750-е годы, когда он почти не встречал людей, так же, как и он, увлеченных чтением.

Наконец, почти никто из самих авторов, написавших мемуары до конца XVIII века, не увидел свои записки напечатанными и вряд ли на это надеялся. Исключение составляют *Похождения некоего россиянина...* (1790) П.З. Хомякова, но его произведение имеет непростую жанровую природу и не может быть названо мемуарами в чистом виде, поэтому оно также не принимается во внимание в статье. Более того, ранние русские мемуары почти не имели хождения в списках: насколько нам сейчас известно, из мемуаров этого периода переписывания удостоился только текст Шаховского (см.: Тартаковский 1991: 87). Таким образом, решение рассказать о собственной жизни, то есть признание за собой права на создание биографии, выглядит в этих обстоятельствах как минимум нетривиальным.

Прежде чем перейти непосредственно к текстам, стоит обратить внимание на их авторов и те черты, которые их объединяют. Пятеро из них родились еще в XVII веке (Чернышев, Соймонов, Неплюев, Головин, Трубецкой), а еще четверо в первое десятилетие XVIII века (Мордвинов, Грязново, Шаховской, Нащокин), то есть это люди

старого времени, сформированные и воспитанные петровской эпохой. Все они, кроме несчастного и дважды подвергавшегося опале Головина и Данилова, достигли очень высоких чинов. Почти все получили специальное начальное образование в соответствующих учебных заведениях: пятеро морское (Соймонов, Мордвинов, Грязново, Головин, Неплюев), Муравьев инженерное, Данилов артиллерийское, Нащокин учился в математической школе, более молодой Прозоровский – в кадетском корпусе. Обучение за границей проходили Трубецкой и уже упомянутые Неплюев и Мордвинов. Очевидно, нигде не учился Чернышев, так как он самый старший из всех (1672 г. р.) и Шаховской, которого воспитывал дядя, так как мать вторично вышла замуж. Большинство принимали участие в военных походах и прошли всю линию производства от низших чинов к высшим, даже такой баловень судьбы, как Трубецкой. Таким образом, можно утверждать, что в этот период к мемуарам приступали люди многого добившиеся и имеющие богатый жизненный опыт.

Следует также отметить, что некоторые из мемуаристов так

или иначе были знакомы друг с другом и пересекались по службе. Так, Мордвинов учился и начинал службу гардемаринном вместе с Неплюевым (Неплюев 1879: 5–7), в записках которого упоминаются Чернышев и Трубецкой (Неплюев 1879: 63, 68, 82), и который, по всей видимости, был единомышленником и сподвижником Шаховского (см.: Наумов 1998: 386). Шаховской, в свою очередь, также называет в своих воспоминаниях целый ряд имен, среди которых Трубецкой, Нащокин и Неплюев (Шаховской 1821: 1, 57, 60, 69, 158–159; 2, 152–153), Грязново упоминает Чернышева (Грязново 1097: 14) и так далее. К сожалению, этих фактов недостаточно для того, чтобы предполагать их знакомство с записками друг друга или хотя бы с намерением к ним приступить. Но можно утверждать, что ранние русские мемуаристы относились к весьма узкому кругу дворянской элиты, образованных и успешных в карьерном отношении людей.

Поэтому не удивительно, что рассматриваемый корпус текстов обладает определенными общими чертами, которые также выделяют эти записки на фоне более поздних. В известном смысле можно ска-

зять, что они максимально удалены от современных представлений о том, что должны включать в себя воспоминания. Уже упомянутый Пекарский также задавался вопросом, почему автор ранних мемуаров XVIII века “с любовью описывает одни только предметы и события, не упоминая о других, по нашим понятиям, более интересных?” (Пекарский: 75).

Если рассматривать содержательную сторону этих записок, то в них можно выделить две составляющие: это сведения личного характера, касающиеся происхождения, родственных связей, семьи и так далее и служба. Второй элемент существенно перевешивает, и это закономерно. Большую часть жизни эти люди проводили на службе, иногда годами не бывая дома и не видя своей семьи. Такова была судьба большинства российских дворян до 1762 года, то есть до *Манифеста о вольности дворянства*, а многих и еще довольно долго впоследствии (см.: Марасинова 1999; Фаизова 1999). Поэтому большинство из рассматриваемых мемуаров начинаются с краткого вводного сообщения о рождении автора и его детстве (где учился и кем воспитывался), а потом сразу переходят к

службе. Некоторые авторы, например, Трубецкой, сразу начинают с первых лет службы.

Но может быть еще более важно, что к написанию мемуаров авторы приступают непосредственно по выходу в отставку. И дело не только в том, что у них появляется для этого время, а возможно даже возникает какое-то чувство пустоты, которое они заполняют воспоминаниями о более насыщенном и привычном периоде своей жизни. Завершение службы понимается если не как конец жизни, то как завершение наиболее значимого, и может быть единственно важного ее этапа, после которого остается только привести в порядок дела и подвести итоги. Так начинает свои записки Шаховской:

Усчастливясь в нашем отечестве 45 лет в разных военных и статских службах, а напоследок и в первых в государстве чинах, почасту с особливими от всемиловейших наших монархинь доверенностями, многие мне поручаемые патриотические дела производить; [...] по просьбе моих друзей, благородные мысли,

здоровое рассуждение, любовь к добродетели и патриотический дух имеющих, а притом (чистосердечно признаюсь) частью еще и в удовольствии собственной о моих иногда удачливо произведенных делах похвал любления страсти, частью же добродетельствуя моему отечеству, [...] сочинил я сие краткое описание знатнейших мною произведенных дел и воследовавших со мною приятных или противных приключений. (Шаховской 1821: 1, IX).

Шаховской едва ли не единственный из рассматриваемых авторов явно рассчитывает на читателей за пределами семейного круга, и так как нам известно шесть списков его мемуаров конца XVIII – начала XIX веков, то можно сказать, что отчасти он своей цели достиг. Государственный чиновник самого высокого уровня, Шаховской явно не мучился вопросом о том, имеет ли он право на биографию.

Мемуары Шаховского – очень яркий образец для прояснения основной функции мемуарного текста этого периода. В первую очередь, это констата-

ция и фиксация верной службы государю и отечеству. В подтверждение своих служебных достижений Шаховской включает в мемуары ряд документов, в том числе императорские указы (Шаховской 1821: 1, XIX; 2, 32–35) и свои письма императрице и опекунам Воспитательного дома (Шаховской 1821: 1, XI–XII; 2, 113–115, 180–184). Впрочем, он не единственный, кто так поступает, некоторые документы, например, также приложил к запискам и Нащокин (см. предисловие: Нащокин 1842: IV–V).

Таким образом, можно констатировать, что ранние русские мемуары отражают очень важную тенденцию, объединяющую людей, чье время службы пришлось на петровское и раннее послепетровское время: личные достижения и служебные заслуги приобретают для них первостепенное значение и нуждаются в фиксации. Это обстоятельство, очевидное и многократно описанное в целом для эпохи⁶, если и обращало на себя внимание исследователей мемуарного жанра в России, то только в частности, и не было ранее отмечено как тен-

---

⁶ См., напр., ряд статей из сборника: Петрухинцев, Эррен: 2013.

денция, тесно связанная с первым этапом становления русских мемуаров и находящая подтверждение рассматриваемым корпусом текстов⁷.

Кроме того, мемуары выполняют очень важную функцию исторического свидетельства, каковыми они в первую очередь и воспринимались исследователями, от первых публикаторов до советских ученых. Показательным в этом отношении является помещение выдержек из записок Неплюева в составленные И.И. Голиковым *Дополнения к деяниям Петра Великого* (см. предисловие: Неплюев 1870: V; Голиков 1794: 74–79, 204–208, 293–294, 311–312 и т.д.).

Следует отметить, что все мемуаристы старшего возраста так или иначе упоминают Петра I, мифологизация личности которого началась еще при его жизни. Кто-то проходил у него смотр (Головин 1847: 45; Мордвинов 1868: 13–14, 16), кто-то сдавал ему экзамен (Неплюев 1870: 63–67), Грязново пишет о том, что его корабль участвовал в походе в Ревель в составе флота вместе с фрегатом, на котором был

Петр I (Грязново 1907: 14)⁸, у Трубецкого Петр был восприимчиком сына (Трубецкой 1870: 35), Муравьева он, по семейному преданию, держал на руках (Муравьев 1994: 8). Тот, кто по возрасту сам не мог помнить великого монарха, пересказывает истории о нем, слышанные от старших, как поступает, например, Муравьев с рассказами генерала И.Л. Любераса (Муравьев 1994: 19). Характерно, что некоторые мемуаристы раннего времени, как и самый первый русский мемуарист Куракин, не делают разницы между событиями, происходившими при их жизни, и теми, в которых они были участниками. Так, например, составляет свои записки Нащокин, подряд перечисляя свое рождение, пожар в Москве, замужество сестры, поступление старшего брата в драгуны и смерть и погребение супруги царевича Алексея Петровича (Нащокин 1842: 1–2). Но и он выделяет собственное свидетельство как особенно значимое, как например, в рассказе о наводнении 1721 года: “В то же самое время в С.-Петербурге зело

⁷ Здесь можно провести параллель с рассуждениями о развитии русской автобиографики в контексте кризиса христианского самосознания в этот период (см.: Сдвижков 2019b: 31).

⁸ Он же отдельно указывает дату смерти императора, и день, когда он, находясь в походе, сам об этом узнал, с разницей в четыре месяца (Грязново 1907: 18–19)

великая вода была, которую я засвидетельствую, что по Морской и Переведенской и другим улицам ездили в шлюпках и лодках в первый день большой воды ...” (Нащокин 1842: 21). Тот же Нащокин пересказывает публикацию в «Ведомостях» о пойманной женщине-сирене, выступая своеобразным свидетелем второго уровня и подтверждая подлинность происшествия по известной формуле “в газетах врать не будут”: “Сие в записку внесено потому, что хотя о чудах морских многие фабулы бывали, а сие за истину уверить можно, что оно морское чудовище есть так удивительное поймано” (Нащокин 1842: 93).

В-третьих, мемуары становятся способом передачи своего жизненного и особенно профессионального опыта. В упомянутом выше предисловии Шаховской пишет о том, что ему на жизненном пути приходилось идти “иногда и по таким дорогам, где не всегда возимые для доброделания припасы, без повреждения от завистников и пристрастиями торгующих в надлежащие места целосохранно доставляемы бывали” и предполагает, что его опыт пригодится “благодаря сего читателям, а паче по таким же дорогам, как

и я, проходить и истинными патриотами в отечестве быть тщасимися, к примечаниям в их осторожность, чтоб прошедшее видя, лучшие полезности в будущее время произвести успели...” (Шаховской 1821: 1, X). Аналогичное стремление поделиться тем, в чем автор мемуаров считает себя специалистом, встречается во многих записках. Так, инженер Муравьев, при описании сражений на полях делает пометы о том, как лучше располагать ордер баталии и строить укрепления (Муравьев 1994: 41), а Данилов рассказывает подробности устройства фейерверков, в частности, произведения зеленого огня (Данилов 1842: 72–74).

Особую роль, конечно, играют военные мемуары и описания сражений, в которых функция свидетеля смыкается с функцией профессионального участника. Здесь нельзя не отметить ту роль, которую сыграла в становлении русской мемуарной прозы Семилетняя война. Это была первая по-настоящему крупная, по сути мировая, война в составе коалиции и с очень серьезным главным противником – прусской армией – во время которой русские войска подолгу находились на территории ев-

ропейских государств и могли наблюдать их повседневную жизнь. Можно смело утверждать, что эта война изменила сознание целого поколения русских дворян. Об этом прямо пишет Прозоровский:

Сия война была для меня первым училищем, в котором я положил основание воинского искусства, и для того и начинаю оною журнал или историю служения моего Российской Империи, сожалея только, что по молодости тогдашних моих лет, не вел журнала маршам и многим публичным происшествиям, что действительно и в малых чинах делать можно было (Прозоровский 2004: 41).

Наконец, немаловажную роль в мемуарах играет функция оправдания, восстановления справедливости. Так, Соймонов рассуждает о том, что его арест по делу Волынского был вызван его постоянной борьбой со злоупотреблениями в морском ведомстве:

В последующей второй части жизни моей, [...] происходили такие случаи, которые с одной

стороны казались справедливыми и ревностнейшими, а с другой через меру смелыми и продерзнейшими противу политических нравучений [...] я признаю что все то не только знаемо мне было, но и от приятелей моих [...] мне предлагаемо и советовано было, однако я, по недогадке ль моей, или побужденный моею ревностию, или прямее сказать по недоведомой смертным судьбе Божией, похож на глухова был, и упрямо держался одной первой статьи, то есть присяжной должности... (Соймонов 1888: 95).

Муравьев смиренно объясняет несоответствие описанных им заслуг перед отечеством и полученного вознаграждения своей заносчивостью, сквозь которую все же проглядывает намек на несправедливое отношение к нему:

[...] всякого о себе уверяю, – пишет он, – чтоб каковую должен был получить я милость монаршую за оказанную в службе ревность, и будучи возносительным,

не почитая никого себе сверсника, заключал, что сам собою в себе оное мог приобрести, но по таковому высокомерию, все потерял и ничего не получил, сие не иное что, как божие предопределение (Муравьев 1994: 69).

Перечисленные функции безусловно присущи мемуарам и более позднего времени, но зарождаются они именно здесь и являются первичными по отношению к описанию культурной жизни, анализу своего душевного состояния или попыткам дать панораму эпохи, то есть к тем составляющим мемуаров, которые появляются позднее и становятся отличительной особенностью этого жанра до настоящего времени. Государева служба, в том числе в части допущенных на ней по отношению к мемуаристу несправедливостей, а также исторические свидетельства являются базой для формирования автобиографического жанра в России и оправданием пишущему мемуары.

Остается вопрос о том, что же все-таки могло быть взято за образец для составления жизнеописания. Целый ряд исследователей, обративших

внимание на характерную именно для раннего этапа русской мемуаристики форму погодной записи, утверждали влияние на нее летописной традиции. И если для исследователей XIX века это была скорее метафора, позволявшая называть мемуары “истинными летописями нашего времени” (Белинский: 159), то советские ученые (см., напр.: Елизаветина 1982: 238; Тартаковский, 1991: 42–57) говорили о непосредственной преемственности. Но применительно к ранним мемуаристам есть основания сомневаться, что авторы записок вообще могли знать о том, как устроены летописи. Впервые об этом жанре и о конкретных русских летописях читающая публика могла узнать не ранее конца 60-х годов XVIII века, когда началось издание *Истории Российской* В.Н. Татищева (1768–1784 годы). А первая публикация русской летописи состоялась в 1767 году в *Библиотеке Российской исторической, содержащей древние летописи и всякие записки*. Ранее же летописи, конечно, тоже были известны и обсуждались, но в весьма узком академическом кругу, отчасти немецком, к которому никто из рассматриваемых авторов отношения не имел. Нет и

свидетельств тому, что кто-то из мемуаристов интересовался подобными вопросами и был знаком с этими изданиями, учитывая насыщенность их служебной деятельности, ее практическую направленность, частые разъезды и так далее. Поэтому представление о преимуществах летописного и мемуарного повествования можно отнести только к более позднему периоду, не ранее конца XVIII столетия.

Как уже было сказано выше, ранние мемуары обычно имели две составляющие: сведения семейного характера (о происхождении, предках, землях, родственных связях, женитьбе, рождении детей, их воспитании и так далее) и рассказ о службе. Опорой в первом случае для мемуаристов несомненно были дворянские родословия, которые нуждались в постоянном пополнении. Что же касается второй части, то можно предположить, что авторы ранних русских мемуаров, обращаясь к своим воспоминаниям, брали за основу хорошо известный им тип текста: служебную скаску, представлявшую собой краткую биографию и послужной список разной степени подробности (см. для примера публикацию: Налепин 2007). Снабженная подробностями и

сведениями личного характера, иногда сопровождаемая выводами морального свойства и крайне редко рассказами о частных происшествиях, не имеющих отношения к службе, служебная скаска легко трансформировалась в текст, казавшийся странным уже в первой половине XIX века и во многом сформировавшийся в отечественной науке отношение к русским мемуарам прежде всего как к историческому источнику (подробнее об этом см.: Веселова 2018).

Показательно, что несмотря на распространенное убеждение в том, что первые русские мемуары имеют, по выражению Тартаковского, “узкофамильные цели” (Тартаковский 1991: 15), которые со временем расширяются, обращенность рассматриваемых текстов непосредственно к потомкам кажется, по сравнению с более поздними воспоминаниями, недостаточно выраженной. Хотя некоторые авторы прямо адресуют свой текст потомкам и даже конкретным сыновьям (например, Чернышев 1872: 802; Неплюев 1870: 115–116), заключая тем самым, автобиографический пакт с предполагаемым читателем, объем семейной информации в них, по сравнению со служебной, до-

вольно мал. С одной стороны, очевидно, что сами сведения о достойной службе и иногда встречающиеся по ходу повествования моральные выводы уже могут выступать в роли наставления потомкам (а заодно и материалом для составления родословий). О том, что эти наставления достигли адресата, нередко свидетельствуют дополнения, сделанные потомками в конце текста. Такие приписки есть, например, в мемуарах Головина, Грязново и Неплюева (Головин 1847: 57–58; Грязново 1907: 37; Неплюев 1870: 116–117). С другой, нельзя забывать и о том, что популяризируемое советской наукой становление нового человека в XVIII веке внешне шло гораздо быстрее, чем изменения в сознании. Крайне важная для древнерусского книжника эсхатологическая функция любого письменного текста оставалась актуальной и для мемуариста XVIII столетия. Записки – это пересмотр собственной жизни, который производится для того, чтобы понять, кто с чем предстанет перед Богом. И в этом смысле не случайно, что за перо берутся именно те, кому есть что предъявить Всевышнему.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что ранние русские мемуары отражают сложный для нового русского сословия этап, на котором, по удачному выражению Д.А. Сдвижкова, возникает “необходимость (заново) самоопределиться” в меняющемся мире (Сдвижков 2019b: 31). Напоминающие по форме отчет о службе, перечисляющий личные заслуги автора на профессиональном поприще и определяющий его место в историческом процессе, по сути они представляют собой текст исповедального характера, подводящий итог прожитой жизни и выводящий из нее мораль. Ориентация на модель служебной скаски свидетельствует о стремлении примирить современные для авторов веяния, связанные с установкой на индивидуальные достижения, с не утратившей актуальность необходимостью подготовиться к иной жизни. Поэтому русские мемуары в рассматриваемый период – это последнее наставление и благословение потомкам, одновременно обращенное в вечность.

Приложение

Перечень ранних русских мемуаров приводится в хронологическом порядке, по предполагаемой начальной дате составления записок. Не все воспоминания этого времени имели заголовок, а часть опубликованных в XIX веке рукописей не дошла до наших дней. Поэтому в тех случаях, когда названия нет или оно неизвестно, текст обозначается словом “записки”. В остальных случаях приводится название по рукописи или первой публикации, опирающейся на документальное свидетельство. Такие заголовки выделены курсивом.

Грязново Иван Михайлович (1702–1777). *Записная книга*. 1730–1753.

Чернышев Григорий Петрович (1672–1745). *Записки*. Конец 1730 – начало 1740-х.

Головин Василий Васильевич (1696–1781). *Записки бедной и суетной жизни человеческой*. 1740–1750-е.

Нащокин Василий Александрович (1707–1760). *Записки*. 1759–1760.

Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1766). *Журнал собственный к. Н. Т. по возвращении в 1717 г. из Немецкой земли*. 1763–1767.

Соймонов Федор Иванович (1692–1780). *Из записок*. 1760–1770-е гг.

Прозоровский Александр Александрович (1733–1809). *Записки*. 1756–1776.

Муравьев Матвей Артамонович (1711–1780-е). *Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного лет возраста воспитываем был и потом, вступя в службу, какую отечеству оказал, находясь во оной, ревность, о том обстоятельно значит ниже сего*. 1770-е.

Неплюев Иван Иванович (1693–1773). *Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (им самим писанная)*. 1770–1773.

Данилов Михаил Васильевич (1722–1790). *Записки артиллерии майора М. В. Д., написанные им в 1771 году*. 1771.

Шаховской Яков Петрович (1705–1777). *Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим*. 1772.

Мордвинов Семен Иванович (1701–1777). *Родословие фамилии адмирала Мордвинова*. Сер. 1770–1777.

Библиография

Белинский 1953: В. Белинский, *Записки о походах 1812 и 1813 годов [А.С. Норова]* // В. Белинский, *Полное собрание сочинений*, Москва, Издательство АН СССР, 1953, т. 1.

Билинкис 1995: М. Билинкис, *Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман*, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.

Боровикова *et al.* 2004: М. Боровикова, Т. Гузаиров, Р. Лейбов, М. Смержевских-Смирнова, И. Фрайман, Т. Фрайман, *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы* // “Цепь непрерывного предания...” Сборник памяти А.Г. Тартаковского, А. Юрганов, ред., Москва, Издательство РГГУ, 2004, с. 346–361.

Веселова 2018: А. Веселова, *Советские издания мемуаров XVIII века: основные тенденции* // *Чтения отдела русской литературы XVIII века. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVIII – начала XIX века*, А. Костин, ред., Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 2018, с. 129–139.

Глаголева 1992: О. Глаголева, *Тульская книжная старина*, Тула, Тульской государственный педагогический институт, 1992, с. 69–85.

Голиков 1794: И. Голиков, *Дополнения к деяниям Петра Великого*. К 1718 и 1719 годам, Москва, Унив. тип. у В. Окорокова, 1794.

Головин 1847: В. Головин, *Записки о бедной и суетной жизни человеческой* // *Родословная Головиных, владельцев села Новоспаского, собранная бакалавром М.Д. академии Петром Казанским*, Москва, Тип. С. Селивановского, 1847, с. 44–57.

Грязново 1907: *Записная книга И.М. Грязново* // *Щукинский сборник*, 6, Москва, Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1907, с. 14–37.

Данилов 1842: *Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году*, Москва, Издательство П. Строев, 1842.

Елизаветина 1982: Г. Елизаветина, *Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм*. Проза, А. Курилов, ред., Москва, Наука, 1982, с. 235–262.

Зарецкий 2013: Ю. Зарецкий, *Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение*, Ю. Зарецкий *et al* ред., Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. с. 24–41.

ИДРДВ 1976: *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*, П. Зайончковский, ред., Москва, Книга, 1976, т. 1, XV–XVIII вв.

Лотман 1986: Ю. Лотман, *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю. Лотман, Избранные статьи*, Таллинн, Александра, 1986, т. 1, с. 365–376.

Марасинова 1999: Е. Марасинова, *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*, Москва, РОССПЭН, 1999.

Мордвинов 1868: *Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою*, Санкт-Петербург, Тип. Морского министерства, 1868.

Муравьев 1994: *Записки М.А. Муравьева*, публ., вступ. ст. и примеч. Т. Дмитриевой, М. Якушкиной, Г. Якушкина // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*, 5, А. Налепин, ред., Москва, Студия ТРИТЭ, 1994, с. 7–81.

Налепин 2007: *Скаски елизаветинской России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*, 15, А. Налепин, ред., Москва, Студия ТРИТЭ, 2007.

Наумов 1998: В. Наумов, *Предисловие // Империя после Петра*, Москва, Фонд Сергея Дубова, 1998, с. 385–386.

Нащокин 1842: *Записки Василия Александровича Нащокина*, Санкт-Петербург, Тип. Имп. Академии наук, 1842.

Неплюев 1870: *Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим писанная*, предисл. и примеч. Л. Майкова, Москва, Тип. Грачева и К°, 1870.

Пекарский 1855: П. Пекарский, *Русские мемуары XVIII века*, «Современник», 1855, XII, 50, отд. 2, с. 72–77.

Петрухинцев, Эррен, 2013: *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*, Н. Петрухинцев, Л. Эррен, ред., Москва, РОССПЭН, 2013.

Прозоровский 2004: *Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776*, вступ. ст. А. Афанасьева, Москва, АНО Редакция альманаха «Российский архив», 2004.

Сдвижков 2019а: Д. Сдвижков, *Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году*, Москва, Новое литературное обозрение, 2019.

Сдвижков 2019б: Д. Сдвижков, *Новая личность и новая религиозность в русской автобиографике // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века*, Л. Манчестер, Д. Сдвижков, ред., Москва, Новое литературное обозрение, 2019, с. 29–59.

Соймонов 1888: *Из записок Ф. И. Соймонова // В. Купреянов, ред., «Морской сборник», 1888, 227, 9, неофиц. отд. с. 91–132, 10, неофиц. отд., с. 85–103.*

Тартаковский 1991: А. Тартаковский, *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге*, Москва, Наука, 1991.

Трубецкой 1870: *Журнал собственный к[нязя] Н[икиты] Т[рубецкого] по возвращении в 1717 г. из немецкой земли*, «Русская старина», 1870, I, 1, с. 34–41.

Фаизова 1999: И. Фаизова, *“Манифест о вольности” и служба дворянства в XVIII столетии*, Москва, Наука, 1999.

Чернышев 1872: *Записки графа Г. П. Чернышева*, сообщ. Ф. Опочинин, «Русская старина», 1872, III, 5, с. 791–802.

Шаховской 1821: *Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим*, 1–3, Санкт-Петербург, Тип. И. Глазунова, 1821.

Gusdorf 1956: Gusdorf, Georges, 1956. ‘Conditions et limites de l’autobiographie’, in *Formen der Selbstdarstellung: Analekten zu einer Geschichte des literarischen Selbstportraits. Festgabe für Fritz Neubert zum 70*, ed. by Günter Reichenkron, Erich Haase (Berlin: Duncker & Humblot), 106–123.

Gusdorf 1991: Gusdorf, Georges. 1991. *Lignes de vie*, 1–2 (Paris: Les Éditions Odile Jacob).

Dekker 2002: Dekker, Rudolf. 2002. 'Jacques Presser's heritage. Ego-documents in the Study of History', *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*, 5: 13–37.

Krusenstern von 1994: von Krusenstern, Benigna. 1994. 'Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert', *Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag*, 2: 462–471.

Lejeune 1975: Lejeune, Philippe. 1975. *Le Pacte autobiographique* (Paris: Le Seuil).